

Я думал, что Ержи будет подавлен своим унижением, и потому опасался даже взглянуть на него. Но, когда мы все-таки встретились глазами, он взглянул на меня с таким счастливым видом, что я сразу успокоился. Он попытался виновато пожать плечами, но тяжелые ремни котомки мешали, и пришлось ему просто выразительно развести руками. Тропа скоро начала сильно забирать вверх, стала узкой и каменистой. Я слегка удивился: мне казалось, что путь к морю будет идти все время вниз. Наверное, мы обходим какое-то неудобное место, решил я. Быть может, под нами – скальные обрывы? Группа волей-неволей вытянулась в тонкий ручеек и перестроилась. Между мной и Ержи как-то незаметно очутилась одна из четверок, тащивших жерди. Я же оказался в голове колонны, сразу за четверкой Треххвостого. Прямо передо мной шагал Двукосый: его длинные черные косы ритмично покачивались за спиной. Он закрывал мне обзор, но иногда я замечал впереди взмахи знакомых белокурых хвостов. Все, с кем я встречался взглядом, приветливо улыбались мне: можно было подумать, что никакого происшествия на поляне не было. Что ж, и слава Богу. Носильщики весело (как мне казалось) переговаривались друг с другом свистом и стрекотом. В какой-то момент впереди замешкались: не успев затормозить, я чуть было не натолкнулся на Двукосого. Оказалось, они менялись поклажей. Вскоре связка жердей уже покачивалась между четырьмя другими спинами, а Треххвостый и его товарищи рассеялись по колонне с навьюченными взамен тюками. Тропа снова расширилась – можно было идти по двое. И тут же справа от меня возникла белобрысая хвостатая голова и неизменная сияющая улыбка.

- Должно быть, вы разочарованы? – сказал Треххвостый на моем родном языке и подмигнул. – Вы, наверное, ждали от традиционного общества большей последовательности. Наказать – так наказать, жестко и без поблажек. А тут – какой-то мягкотелый постмодернизм, а?

- Я уже научился тут ничему не удивляться, – рассмеялся я. – В том числе и всему тому, чем вы еще намерены меня удивить. Хотя, пожалуй, да – нестыковочка. Нарушение законов жанра. Вы должны были быть непреклонны. Общество табу не терпит послаблений, иначе – смерть традиции.

Мой спутник понимающе кивнул.

- Все правильно. Только где ж вы тут видите традиции? Они никак не могли возникнуть за 50 лет. Слишком малый срок. Тут еще живы люди, которые приехали из-за стены, из цивилизации.

- Что же скрепляет вас?

- Голый рационализм. Мы делаем лишь то, что разумно и полезно для нашего мира. А что не полезно – не делаем.

- Получается, именно в данном конкретном случае было полезно простить нарушителя?

- Во всяком случае, вреда в этом не было. Насчет пользы – я пока не уверен, но все может быть. Я же не провидец. Впрочем, было 50 на 50 «за» и «против».

- Что же заставило принять решение «за»?

- Потому что ты об этом попросил, – шутливо поклонился он, внезапно перейдя на «ты».

Конечно, я сомневался, что Ержи простили исключительно в угоду мне. Кто я такой, чтобы влиять здесь на принятие решений! Но в целом все сказанное звучало логично. Власть традиции нужна лишь в мифологизированном обществе. Там, где люди давно забыли, почему нарушать тот или иной запрет вредно; они не нарушают, потому что боятся наказания, и все. А если все кругом знают, что это попросту вредно? Тогда традиции, табу, наказания становятся

просто не нужны. Но ведь это невозможно – общество совершенных сверхлюдей. Я же отлично знаю, что это невозможно! И потом... это делает избыточной религию. Нужно спросить об этом, да!

Я собрался с духом.

- Скажите... а вы верите в богиню Сабину? Вот лично вы?

- Разумеется, - не моргнув глазом, ответил он.

- А другие? Все остальные, кто здесь живет?

Треххвостый посмотрел поверх моей головы на зеленую долину, освещенную утренним солнцем.

- Как принято в таких случаях отвечать, я не могу быть уверен на все сто процентов, - ответил он с мягкой улыбкой. - Но полагаю, что да.

- Но ведь это иррационально! - воскликнул я. - Это противоречит логике! Вы, который только что говорили мне о разумности и полезности, верите в то, что есть некое сверхсущество, которое отвечает за крошечный кусочек земного шара! А кто в этом случае отвечает за все?

- Этого я не знаю, - серьезно ответил Треххвостый.

- Ты, который знает, что такое постмодернизм, может верить в разделение труда между богами?!

Я так разнервничался, что попеременно называл его то на «ты», то на «вы». Благо, мы вели беседу на моем языке, где это возможно.

- Я не сказал, что верю в разделение труда между богами, - поправил Треххвостый. - Я верю лишь в богиню Сабину...

- Тогда ты должен допускать пантеизм, а это в высшей степени неразумно, - перебил я. - Если гипотеза единого творца всего сущего хоть как-то увязывается с научной картиной мира - ну, предположим, это Бог сотворил Большой взрыв и он же установил все физические законы Вселенной - то идея населить уже существующий мир разными локальными божками и верить, что они им управляют - это, прости, абсурд...

- Прощаю, - улыбнулся Треххвостый. - Хотя по законам традиционного общества должен бы был не простить. Ты же вроде как покусился на самое святое - на веру.

Я побледнел.

- Прости, пожалуйста, я просто хотел понять...

- Ладно, ничего страшного. Но если тебе угодно, то само допущение акта творения мира позволяет следом допустить все, что угодно. Во всяком случае, ничего нелогичного в существовании Сабины для меня нет. И потом, знаешь - я не теолог. Мне не нужно доказывать ее существование. Для меня оно очевидно.

Я не смел ничего сказать и молча шагал рядом. Треххвостый чуть поправил лямки и поморщился - все-таки его тюк был здорово тяжел, судя по тому, как натянулись кожаные ремни. Моя котомка была не в пример легче.

- Понимаешь, само существование нашей страны иррационально. С этим ты, надеюсь, согласишься? Почему нас до сих пор не уничтожили? Почему не уничтожают в данный конкретный момент?

- Это всегда было для меня невероятной загадкой, - выдохнул я.

- И объяснений тому нет. Да, мы сражаемся, когда на нас нападают; некоторые гибнут. Но если бы не какое-то чудо, которое все эти годы хранит нас, все жертвы были бы напрасны. Нас бы давно захватили. В новостях нас объявили бы тоталитарной сектой, члены которой безнадежно одурманены своими вождями вплоть до полного помешательства. В итоге тех, кого бы не убили, навсегда закрыли бы в психушках. А здесь было бы все вырублено и застроено виллами и отелями.

- О, олигархи моей страны поспешили бы сюда первыми, - согласился я.

- Территориальные ресурсы, которые есть у нас, сегодня нужны всем. Они бы быстро прожевали их, а так как нас мало и страна маленькая, о нас бы вскоре забыли. Все бы забыли, даже самая-самая прогрессивная общественность, которая всегда всех жалеет. Несчастий на планете хватает и помимо нас, и они вынуждены были бы забыть. И все было бы кончено навсегда. Понимаешь, как это легко? Так почему же этого не происходит?

- Чудо, - вымолвил я, помолчав.

- Вот именно.

- Значит, она творит это чудо? Сабина?

- Я не вижу других вариантов.

- Но почему бы вам не принять идею христианского бога? Зачем умножать сущности?

- Ты опять обращаешься ко мне, как к богослову-теоретику. Впрочем, если тебе угодно, отвечу, как теоретик. Если бы сабиняне стали христианами, то пришлось бы согласиться с посылкой о богоизбранном народе - в данном случае нашем. Потому что иначе с какой стати бог осыпал такими милостями именно нас? Но мне эта идея кажется искусственной.

Я не унимался.

- Зачем богоизбранный народ? Предположим, Богу угоден такой вот рай на земле, как у вас, поэтому он вас оберегает. Тем самым он, возможно, желает что-то показать остальному человечеству. Ну, предположим, пример праведной жизни... Это как пример, я не настаиваю! И тогда все сойдется удивительно логично, и не потребуются никакой Сабины...

Я остановился, почувствовав, что меня заносит, как после каши Хоба. Треххвостый ласково взглянул на меня.

- Ты предлагаешь мне выбрать подходящую религию, как товар в магазине, по принципу ее логичности? Но верующие люди так не могут. Они просто верят, и все.

- Да, пожалуй, это было странное предложение, - согласился я.

- И вообще, не слишком ли мы увлеклись религиозными спорами?

Мы некоторое время шагали молча. Треххвостый стал дышать медленней и глубже - видно,

здорово его сегодня нагрузили. Выходит, и у суперменов есть предел. Удивительно, что при таких нагрузках он ухитрялся еще и вести философские беседы. Мне припомнился рассказ Адольфо Бийо Касареса (название я забыл) об одном чрезвычайно логичном интеллектуале, который был адептом классического древнегреческого язычества. Его герой чрезвычайно убедительно показывал, что с точки зрения логики вера во множество богов, по крайней мере, не менее логична, чем христианство.

- А ты не знаешь, мои товарищи остаются на стойбище или тоже куда-нибудь уходят? – спросил я, решив переменить тему. – Я толком не успел попрощаться с ними, не спросил их планов...

- Как ты, наверное, заметил, мы постоянно передвигаемся, - сказал Треххвостый. – Вряд ли и они долго засидятся на одном месте. Но потеряться у нас невозможно. Маленькая страна! Ты еще не раз их всех встретишь.

Я вспомнил рассуждения Марка и решил еще раз поднять вопрос логистики.

- А зачем вы все время передвигаетесь? Ведь логичней было бы экономить энергию. Например, заранее спланировать потребности всех стойбищ и разнести требуемые ресурсы – продукты, стройматериалы, инструменты. Если и делать переходы, то по минимуму. Ведь вы же совершаете массу лишних движений!

- Ну, может, нам просто нравится двигаться? – усмехнулся Треххвостый. – У вас вот есть фитнес, всякие там марафонские забеги. Может, мы тоже хотим держать себя в форме? С другой стороны, специальные занятия физкультурой в традиционной земледельческой коммуне смотрелись бы странно. Вот мы и придумали, как все время тренироваться, при этом не нарушая законов жанра... А если серьезно, то планирование, о котором ты говоришь (я, кстати, видел твою схему нашей экономики – идея интересная), нужно, когда людьми необходимо управлять. Например, когда сообщество очень большое. Но нас достаточно мало для того, чтоб мы безо всякого плана чувствовали общие потребности, как свои собственные.

- То есть ты чувствуешь, что и куда нужно нести, чего и где не хватает, где нужна твоя помощь?

- Не только я. Все мы.

- Ты хочешь сказать, что у вас что-то вроде телепатической связи друг с другом?

- Конечно, если ты исследуешь этот вопрос и откроешь у нас телепатию, я не стану тебе мешать, - рассмеялся Треххвостый. – Но мне кажется, это предположение, э-э... излишне. Вот, например, ваша обычная семья. Она же функционирует без какого-то специального плана, верно? Надо пойти в магазин – кто-то собирается и идет. Надо починить крышу – и тот, кто способен это сделать, одевается и лезет на крышу. А почему нельзя реализовать это в сообществе побольше?

- Во-первых, потому, что в семье все связаны родственными узами, и поэтому чувствуют потребность заботиться друг о друге. А во-вторых, потому, что в маленьком коллективе договориться между собой проще, чем в большом. Опыт коммунистических проектов это показал. Правда, у вас тут тоже должно быть много родственников... Но все равно, две тысячи человек – это количество, при котором предел стихийной договороспособности давно пройден. Дальше – только нормирование, законы и предписания.

- Ну, тут я уж и не знаю, как тебе возразить, - комично вздохнул Треххвостый. – Ты совершенно убедительно доказал мне, что нас не существует!

- Я лишь показал, что у вас должны быть постоянные нестыковки и ошибки, потому как вы действуете без плана.

- Должно быть, они и есть. Но мы их оперативно исправляем, потому что быстро бегаем!

Тут Треххвостый отвлекся, оглянувшись назад. Оттуда слышались голоса; похоже, там требовалась его помощь. Один из носильщиков жердей, хоть крепился изо всех сил, но уже выбивался из общего ритма. Короткий обмен пощелкиваниями языком – и вот четверка уже остановилась, опустила ношу на землю, и Треххвостый накинул лямку вместо уставшего товарища. Тот, кого он сменил, был совсем юный худосочный парнишка, лет шестнадцати, стриженный в кружок. Он с измученным видом сразу же опустился на землю, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть. Его лицо при этом не выражало ни досады, ни сожаления, ни стыда – ничего из того, что по идее должен был бы чувствовать член мужского коллектива в подобной ситуации. Как раненый муравей, чью обретенную ношу подхватили другие, паренек демонстрировал полную покорность судьбе. Невольно я снова задумался о бедности здешних эмоций. Даже Треххвостый и тот выражал больше чувств, когда дружески хлопнул парня по плечу, прежде чем двинуться дальше. Или, может, они просто умеют мастерски их скрывать? Опять-таки – возьмем средневековую японскую традицию. Все упражнялись в сокрытии своих чувств, но ведь чувств-то от этого не становилось меньше... Или становилось?

Оставшись в одиночестве, я оглянулся по сторонам. Мы определено поднимались все выше. Либо путь к морю лежал через гору, либо мы должны были прежде зайти еще куда-то. Мы шли над зоной леса. Купы деревьев темнели внизу, а вокруг нас расстилались изумрудные лужайки с цветущими кустами. То и дело тропу пересекали переливчатыми ленточками ручейки. Всюду были рассыпаны яркие цветы. Жаль, я не знал названия ни одного из них, кроме разве ярко-синего – горечавки, которую мы встречали вчера. Снежно-белые крупные звезды – может, это анемоны? А еще розовые, малиновые, желтые, фиолетовые, всех форм и размеров. Картинка походила на пейзажи из фильмов в жанре фэнтези: где-то в таких горах должны обитать всевозможные эльфы и сказочные принцессы (пока, конечно, в их жизни не случились необходимые по сюжету неприятные события). Если бы не дивные ароматы, да если бы не моя усталость пот тяжкой ношей, которая как нельзя лучше давала почувствовать реальность происходящего, я бы поверил, что вижу сказочный сон. Но это был не сон – это была Сабиния, и я был внутри нее. Я чувствовал запах своего пота и слышал свое тяжелое дыхание, и впереди и сзади меня шагали (уже гораздо медленнее, чем в начале пути) мои спутники.

Оглянувшись, я заметил шагах в пяти от себя Ержи. Он шел, слегка согнувшись, лицо его было раскрасневшимся и мокрым от испарины. И все же он нашел силы, чтобы поднять руку и помахать мне. Солнце выкатилось в зенит, и утреннюю прохладу сменил полуденный зной. Хотя мы поднялись достаточно высоко – за лесом уже было видно море – ветра не было, и солнце припекало. Я обратил внимание, что все бывшие с нами женщины уже идут без поклажи. Их котомки перекидывали на мужские плечи или в руки: мужчины несли их, взявшись за лямки попарно. Особенно сильно устали носильщики жердей, хотя под каждой лямкой уже не раз сменились спины, тащившие ее. Я ждал если не команды, то хотя бы предложения остановиться на привал. Но тщетно: тяжело дышавшая процессия продолжала медленно тащиться по тропе. Догадавшись, что гордые и мужественные сабиняне лучше умрут, чем выскажут что-нибудь подобное, я уже готов был взять роль «слабого звена» на себя, как вдруг весь караван внезапно остановился. Носильщики разом принялись освобождаться от груза. Ей-богу, никакого указания я не слышал: за истекшие сутки мой слух уже научился отличать своеобразные звуки сабинянского языка. Ни Треххвостый, ни кто-то другой ничего не говорили. Оставался один вариант: именно в этом месте на маршруте предполагалось делать остановку.

Большинство путников уселись или легли на траву; лишь Треххвостый с коллегами-спецназовцами, немного переведя дух, заставил себя принять вертикальное положение. Видимо, несмотря на его самоподшучивание, неписанный кодекс чести действительно обязывал солдат все время демонстрировать жизнестойкость. Я решил не отставать от них, и немедленно принести какую-нибудь пользу обществу.

- Может, мне развести костер? – нерешительно обратился я к Двукосому, который прохаживался рядом, разминая руки и ноги. – Если у нас найдется котелок, то наберем из ручья воды и вскипятим чай... из каких-нибудь трав, как вы любите.

- Нет, что ты, здесь нельзя. Если бы мы делали костры во всех понравившихся местах, у нас бы вскоре вся трава была выжжена. Кострища у нас только на стойбищах. Ну да ничего, к обеду дойдем! Будет там и еда, и чай, – ободрительно улыбнулся он.

Ну надо же, как это я сам не догадался. Это же природоохранная классика всего мира – не выжигать землю кострами. За всеми впечатлениями я и забыл, что забота об окружающей среде здесь стоит на первом месте. Именно ради нее приносятся все эти многочисленные жертвы вроде тяжелого труда и спартанских условий жизни. Впрочем, сейчас они не выглядели особенно мучительными: было жарко, горячее питье не требовалось, и мои спутники с наслаждением прильнули к ручейку, который, видимо, и сделал эту живописную лужайку постоянным местом привалов. Трава вокруг не была вытоптана, что можно было ожидать от стояночного пункта, а вдоль ручья шла ложбина, густо заросшая малиной. Кусты были усыпаны крупными пунцовыми ягодами. Стараясь ступать осторожно, чтобы не растоптать побеги, но и не поцарапаться колючками, люди с удовольствием лакомились. Но они не набрасывались, а ели медленно и вдумчиво, словно боясь кому-то помешать. Солдаты и тут, очевидно, решили подвергнуть себя испытаниям, потому что почти не притрагивались к малине. Стоя посреди поляны, они с улыбками о чем-то переговаривались. Треххвостый и Двукосый взяли лишь по одной ягоде, будто желая удостовериться, что это точно съедобно и «гражданским» ничего не угрожает. Было ли их стремление к самоограничению общим порывом, или одна часть подчинялась правилам, установленным другой частью – трудно было сказать. Однако я заметил, что самый юный солдат, тот, что не выдержал ноши, поедая в сторонке ягоды с большим аппетитом, успевая параллельно перешучиваться с девушками, с которыми делил урожайное место. Я с тревогой ожидал, что старшие, особенно Треххвостый, выразят свое недовольство по поводу столь «немужского» поведения. Но нет: они, хотя и заметили его невинную слабость, но лишь посмеивались, незаметно показывая на него.

Ержи лежал на боку, даже не потрудившись снять свой баул. Измученным, правда, он не выглядел, потому что методично объедал низкорослый куст, растущий прямо перед его лицом.

- Ешь, не стесняйся! – весело крикнул он мне, заметив, что я сижу без движения. – Тут на всех хватит.

Я встал было, чтоб пособирать ягоды, но тут меня переманило дивное, как музыка в раю, журчание ручья. Чистая и прозрачная вода его переливалась на солнце, как россыпь бриллиантов. Я опустил потное лицо в воду, всасывая ледяную влагу и заодно любясь разноцветными камушками на дне. Когда я поднял голову, отфыркиваясь, рядом стоял Двукосый и протягивал мне горсть ягод на своей исцарапанной ладони. Когда же он успел набрать? Я с благодарностью принял угощение и сразу же сунул ягоду в рот. Это было божественно.

- А вы как же?

- Еще наемся, - махнул рукой он. - Я же здесь с рождения. Было время поесть.

- Вы всегда останавливаетесь в этом месте?

- Вообще-то в первый раз. Обычно мы идем другой дорогой, более пологой. Но сегодня пришлось поменять маршрут. Собирались идти к приморскому стойбищу, но оказалось, что жерди им принесут из другого места, поближе. А верхним, которые пасут скот, жерди гораздо нужнее - у них там совсем плохо с древесиной. Так что мы пока повернули наверх. Эта тропа - малохоженная, груз по ней нести неудобно. Ну да что ж делать, бывает вот и так... Да ничего, скоро дойдем до моря, ещекупаешься!

Но мое озадаченное лицо выражало вовсе не тоску по морю. Я не мог взять в толк, когда и как группа получила информацию о том, что рыбакам больше не нужны жерди? Мы действительно проходили одну развилку, еще в самом начале пути. Но там не было никого, кто бы сказал, что вниз идти не надо, а надо лезть наверх. И в поведении товарищей я тоже не заметил никаких перемен. Все невозмутимо, один за другим, повернули налево и вверх. Тут и вправду можно было заподозрить телепатию! Может, правда, «старшины» знали о наших планах еще в лагере, а сообщить остальным решили уже на марше, чтобы не слишком огорчать их предвкушением тяжелой тропы? Я пока не научился угадывать интонации этого удивительного языка. Если свист и пощелкивание не сопровождается явными положительными эмоциями - улыбками или смехом - то непонятно, читают ли тебе романтическое стихотворение или объявляют о скором изгнании.

В самый разгар моих раздумий я заметил боковым зрением какое-то светлое пятно на поляне. Оглянувшись, я увидел на поляне нового необычного человека. Пришелец был невысок ростом и закутан в очень светлое (в сравнении с остальными) одеяние. Тоже довольно линялое, одно, однако, выдавало регулярные попытки его постирать, чего нельзя было сказать о других. Еще одно отличие состояло в том, что балахон незнакомца спускался значительно ниже колен, почти как у женщин. Во всем остальном он был одет даже проще остальных: волосы подстрижены предельно коротко - может, они ранее даже были обриты. Поясом служил веревочный шнурок. На ногах были плетенные сандалии, опять-таки похожие на женские. Никакой поклажи у мужчины не было; он шел по тропе налегке. Интуитивно я сразу догадался, кто это мог быть. Однако для жреца ему недоставало, я бы сказал, подобострастия окружающих. Я почему-то ожидал, что перед представителями духовно-административного сословия здесь все сразу если не падают ниц, то хотя бы низко кланяются. Но человека в белом приветствовали, как и всех остальных, лишь обычным легким поклоном с прикладыванием руки к груди. Более того, поклонились лишь те, кто стоял к нему ближе всех. Те, кто находился подальше, даже не прервали процесса добывания ягод. Правда, смех девушек сразу смолк: все как будто прислушивались, но при этом делали вид, что ничего не происходит. Человек в белом (условно белом) быстро и тихо обменялся несколькими фразами с ближайшими к нему, в том числе Треххвостым и Многокосым. На их поклоны он отвечал едва заметным кивком; одно это и маркировало его особенное положение. Мы встретились взглядами, и я тоже поклонился. Незнакомец кивнул, не меняя выражения лица; его совершенно не удивило мое присутствие.

- Похоже, служитель культа, - шепнул мне Ержи, подсев поближе и пытаясь выбраться из своего баула. Он уже вполне оправился от утреннего позора. - Интересно, зачем он пришел? Наверное, контролирует, все ли в порядке. Или будет отдавать указания.

- Можешь у него спросить.

- Не похоже, чтобы его особенно боялись. Хотя, может, это какой-нибудь низкоранговый жрец. Главные-то вряд ли вот так пешком ходят.

- Ну да, их носят в паланкинах, - шутливо сказал я. - Имей в виду: даже если он нас не услышит, то таким-то мистическим образом все равно узнает, о чем мы с тобой сейчас говорим. Я уже не раз замечал, что они тут передают друг другу информацию без слов. Маловероятно, конечно, но такое чувство, что они мысли друг друга читают.

Между тем жрец, закончив краткую беседу с теми, кто, видимо, относился к «высокоранговым» в нашей группе, еще раз кивнул и двинулся по тропе вниз.

- В таком случае и языками щелкать нечего, - пробормотал Ержи, глядя ему вслед. - Если и так все понятно, зачем они еще и разговаривают? Хотя, может, просто для красоты. Или уточняют подробности телепатической передачи... Я так понял, у нас планы поменялись, идем не вниз, а в горы? Мне, впрочем, все равно, лишь бы идти со всеми. Слушай, - он смутился, вспомнив давешнее, - мне неловко за утреннее происшествие. И тебе пришлось поучаствовать. Ты не очень сердисься?

- Все в порядке. Хорошо, что ты пока здесь.

- Что ты, теперь-то я все понял. Больше не повторится. Был хороший урок. - Ержи вздохнул. - Я хотел сразу бросить сигареты в костер, но мы так быстро стартовали, что я не успел. Придется до следующего костра ждать.

- Не забудь только.

- Не забуду. Ох, неужто опять подниматься? Вроде ж только присели!...

Группа вдруг разом прекратила сбор ягод и принялась собираться - навьючивать грузы, подтягивать веревки и ремни. Делалось это неторопливо, но абсолютно синхронно и опять-таки без всяких команд. Нельзя сказать, что кто-то начал первым, а остальные повторили: нет, все поднялись в один миг.

- Здорово у них тут организация отлажена, - прохрипел Ержи, с трудом взваливая баул. - Прямо универсальные солдаты. Мечта любого диктатора. Встают без команды, садятся без команды. Как компьютеры. А может, это ихние компьютеры ими управляют, а? Ну там, микрочипы в мозги вживлены?

- Уфф, будем считать, что ты разгадал секрет Сабинянии, - сказал я, подгибаясь под своим грузом.

Сейчас он показался мне гораздо тяжелей, чем утром. Мысль о том, что нужно будет тащить его вверх еще несколько часов, сильно испортила мне настроение. В горных походах я бывал, но там вес поклажи эргономично распределялся по спине с помощью хитроумной конструкции рюкзака. Здесь же он жестоко и мучительно давил на плечи.

- Что ж, мы этого хотели - прочувствовать естественный образ жизни на себе, - в свою очередь, простонал я.

Я бросил взгляд на носильщиков жердей, и мне стало немного легче, потому что я понял, что им-то намного тяжелей: у каждого, помимо неподъемной связки, за спиной висела еще и индивидуальная котомка. А Треххвостый поверх нее приторочил еще одну, снятую с плеч какой-то из женщин.

- Первый парень на деревне, - шепотом прокомментировал Ержи, с трудом глядя исподлобья. - Что делать, надо держать марку. Но я бы так не смог. Даже взамен почета и уважения. И

дамской любви.

Остальные солдаты тоже не отставали. Перегрузив на себя все, что только было возможно, они первые ступили на тропу. На худых исцарапанных ногах рельефно двигались мышцы. За первой четверкой пошла вторая, за ней потянулась вся вереница. Мы с Ержи обреченно пристроились в хвосте.

- Я все-таки не понимаю – вот они такие умные, знают столько же, сколько наши интеллектуалы, и даже больше, - проговорил он, волоча ноги. – Но почему же они не могут сконструировать удобный рюкзак из подручных материалов? Из тех же тряпок и ремней можно сшить что-то вполне переносимое. Но такое чувство, что они специально себя истязают. Они что, все тут проверяют себя на прочность, а не только эти спортсмены?

- Может, у них просто нет времени... ох... этим заниматься, - отвечал я, пытаюсь ровно дышать. – Сам видишь – традиционное производство, традиционный быт... На это все уходит уйма времени... Какие уж тут инновации... К тому же все заняты перетаскиванием грузов туда-сюда... Вот и не успевают подумать.

- Потому-то они и не доживают до старости. Наверняка к пятидесяти годам большинство умирает от сердца. При том, что не курят и не пьют. Хотя... наверное, им так и надо, чтоб не было перенаселения. Тогда, получается, все правильно продумано... Женщин, правда они облегчают... Традиционному обществу это не очень свойственно, но тут же вообще черти-какой идейный микс. Но старух я тоже что-то не заметил. Либо они прячутся по каким-то дальним фермам, либо тоже не доживают...

- Наверное, женщины часто умирают от родов, - сказал я. - Точнее, к третьим-четвертым родам накапливаются болезни, медицины-то нет... А так все верно: им не нужно, чтобы старики выживали. Иначе лет через двадцать их будет уже некуда селить, и еда закончится.

Тут один из парней из кружка Треххвостого немного отстал и, дождавшись нас, сказал:

- Если тяжело, можете не торопиться. Идите, как идется. Здесь одна тропа, поворотов нет. Она приведет прямо к лагерю. А мы пойдем быстрее – много дел.

С этими словами он убежал вперед, как будто никакого баула, возвышающегося над его головой, и в помине не было.

- Может, сядем прямо здесь? – тоскливо сказал Ержи, глядя ему вслед. – Да нет, шутка. Придется хоть немного проползти. Мы ж только вышли.

Группа скоро скрылась за отрогом горы, заросшим густым кустарником. Мы шли медленно, часто останавливались и стояли, нагибаясь вперед, чтоб дать отдохнуть спине и плечам. Ержи подобрал пару кривых веток – они худо-бедно служили посохами. Как я рассудил, ломать живые ветки тут не стоило. В какой-то момент подъем закончился и тропа пошла почти горизонтально; но к той поре мы уже так измучились, что не ощутили радости. Цветущие травяные склоны постепенно сменял кустарник. Тонкая тропа вилась меж зарослей, и мы уже не видели, куда идем. Стали появляться и деревья. Вскоре они заслонили и море, и горный склон, и мы оказались в узком зеленом тоннеле. Но внезапно, когда мы уже отчаялись куда-нибудь прийти, тоннель раздвинулся и вдали показались постройки.

На сей раз домов было два. Ближайший из них очень походил на тот, где мы ночевали: тот же деревянный каркас, обтянутый чем придется. Разве что он был поменьше. Но, видимо, наши жерди как раз и призваны были решить эту проблему. Перед домом сустились люди,

закапывающие жерди в землю. Видимо, они намеревались пристроить еще несколько комнат-ячеек. Среди работающих, как и следовало ожидать, мелькали вездесущие белобрысые хвосты. Похоже, наш знакомый никак не мог допустить, чтобы какое-то важное дело обошлось без него.

За домом расстилалась большая поляна, на краю которой примостилось еще одно строение. Я мог бы решить, что это еще один дом, если бы коровья морда, видневшаяся в глубине под навесом. Вокруг стояли и лежали другие коровы; чуть поодаль блеяли сбившиеся в кучку овцы. Было даже несколько коз. По-видимому, этот небольшой зверинец снабжал скудной белковой пищей ни одну сотню человек. Сабиняне, как всегда, неторопливо работали: одни занимались укладкой сена под навес, другие возились на огородах, которые обрамляли скотный двор. Должно быть, скотину недавно пригнали с пастбища: слева от тропы поднимался безлесый холм, и там еще оставалось несколько животных, лениво пасущихся на солнцепеке. В остальном все было похоже на Стойбище Трех Ручьев. Напротив жилого дома помещался кухонный навес, костер и бревна для сидения. В дальнем углу навеса была устроена «подсобка», где хранилась утварь и краткосрочные запасы еды. Около навеса находились несколько человек, среди которых я узнал и тех, кто пришел вместе с нами. Там была и Кен - девушка, которая ждала суженого с другого стойбища. Она первой подняла голову и заметила нас. Приветливо кивнув издали, она снова погрузилась в дела.

Несмотря на сильное желание сбросить поклажу прямо на тропе и упасть, мы добрались до кухни. Спросив, куда девать баулы, мы добавили их к большой куче, сложенной под навесами. Почти сразу же к ним подошли двое детей - мальчик и девочка - и, заглянув внутрь, принялись аккуратно раскладывать принесенную нами еду по местам.

- Устали? - спросила Кен. - Да, здорово же вас нагрузили.

- Чего уж там, - вздохнул Ержи. - Наша репутация растоптана вконец. Мы не смогли догнать ваших молодцов, хотя те тащили вдвое больше нашего.

- Ничего страшного, - рассмеялась Кен. Она не была красавицей - слишком круглое лицо и пухлые щеки, но маленькие глазки смотрели ласково, как у доброй мягкой игрушки. - Это ведь дело привычки. Если бы вы бегали туда-сюда всю жизнь, как мы, вы бы этой дороги и не замечали!

- Да, пока не померли бы... - пробормотал Ержи и тут же осекся. - Я хотел сказать, что я бы вряд ли к таким нагрузкам смог привыкнуть... Э-э, может, вам тут помощь нужна? Мы вот в том лагере уже обрели кое-какой походный опыт, - усмехнулся он. - В смысле, наколоть дров, так чтобы ноги себе не перерубить, наверное, сможем.

- Вы себя недооцениваете, - любезно улыбнулась девушка. - Вобщем, при кухне пока рук хватает, а вам, к тому же, отдохнуть бы не мешало. Закиньте вещи в дом, а потом идите собирать ойт. Это трава такая, - пояснила она, увидев наши непонимающие лица.

- Та самая волшебная трава, которая делает кашу сверпитательной?

- Одна из множества волшебных трав.

- О, а вы не боитесь выдавать нам эту тайну? - шутливо воскликнул Ержи. - Нет, вы представляете, какую силу получит наш мир вместе с рецептом такой каши? Это ж можно всю Африку накормить. И поставить под ружье.

- Не боимся, - ответила Кен, склонившись к разделочной доске, где лежала кучка мелко-мелко

порезанной травы – может, той самой ойг. – Этот вид много где растет, считается сорняком. Забыла только название. Ну да сами узнаете. Секрет в том, с чем и в каких пропорциях смешивать.

- Тогда не показывайте, не показывайте, а то вам придется нас убить, - запричитал Ержи, картинно закрыв глаза руками. – Пойдем скорей отсюда, а то еще увидим что лишнее!

- Ага, да... Но с какой стороны нам заходить? Где тут мужская половина? – спросил я, поспешно отвызывая от баулов наши с Ержи маленькие рюкзачки; мы приладили их еще в дороге, чтоб не тащить в руках.

- С любой. Это весь дом – мужской. А женский – вон там. - Кен указала головой на плоскую крышу, возвышавшуюся за деревьями.

До этого я ее не замечал. Оказывается, здесь было еще одно, двухэтажное строение.

- Ну надо же, кто бы мог подумать, что там живут женщины, - говорил Ержи, пока мы с ним подыскивали незанятую ячейку в мужском доме. – А я было решил, что это привилегированные хоромы жрецов.

- Ничего себе – привилегированные! Те же жерди и грязные тряпки. Разве что в два этажа. Да и то я бы так не сказал. Эти два этажа – как полтора. Каждый едва доходит до человеческого роста.

Мы выбрались из мужского дома и издалека рассматривали женский.

- Ну да, пожалуй, - согласился Ержи. – Такой двухэтажный скворечник. Лежать или сидеть разве что. Впрочем, они все в этих домах только спят... Встанут, отряхнутся – и снова в путь. Романтика... Мечта Пол Пота! Ничего личного, никакой собственности, кроме бус и поясов с мешочками. И всегда готовы перебраться на новую сельхоздислокацию...

- Кен не очень похожа на замученную Пол Потом. Да и Сэн, и все прочие.

- А откуда ты знаешь, что нам все показывают?

Это было справедливо, и я замолчал. Мы вернулись к кухне, где Кен выдала нам по большому мешку с веревочками, посоветовав привязать их поясу.

- Вот он, наверняка знаете, - она вынула откуда-то увядший стебелек с розово-белыми цветами.

Действительно, я видел это растение много раз и считал банальнейшим сорняком. Названия, к сожалению, я не знал. Ержи тоже.

- Не бойтесь, не перепутаете, - напутствовала нас Кен. – Они растут во-он в той стороне. Рвите примерно в десяти сантиметрах от корня.

Мы напились воды из котла, зачерпнув ковшиком, и двинулись в заросли. Сначала мы случайно наткнулись на мужское отхожее место: оказалось, тропа вела туда с другой стороны. Также, как и на Трех Ручьях, оно состояло из продольной ямы и домика для интимных отправок. Я смутился, увидев около ямы Двукосого. Но Ержи как ни в чем не бывало помахал рукой, и Двукосый столь же непринужденно кивнул.

- Вижу, у вас все в порядке, - заметил он, не отрываясь от своего занятия. – Вы, кстати, быстро

дошли. Мы думали, что и к обеду не успеете.

- Еще пару лет ежедневных тренировок, и будем быстрее вас бегать! – ухмыльнулся Ержи.

- Забирайте отсюда правей, и скоро – вот там - увидите заросли оята. – Двукосый закончил дело и, придерживая штаны одной рукой, другой показал в нужном направлении. – Там его много. А еще малина и ежевика. Совместите приятное с полезным, - добавил он, завязывая тесемки штанов.

Мы двинулись в указанную сторону и вскоре действительно встретили первый бело-розовый цветок. Потом еще и еще, и вскоре мы уже стояли по колено в цветах. Ержи из любопытства пожевал стебель.

- Тьфу, гадость, - сплюнул он. – Да и цветки не слаще. Обычная горькая трава. Никакой особой питательности я тут не замечаю. На ту зеленую кашу не похоже. Разве что цветом листьев. Знаешь, по-моему, она пошутила.

- Может, его назначение – какое-то другое? – предположил я. – Может, это что-то лекарственное?

- Кто знает... А может, они просто решили занять нас бессмысленной работой. Чтоб не путались под ногами. Ну и в воспитательных целях, конечно.

Как наказала Кен, мы рвали побеги по одному и кидали в свои мешки. Время от времени я приминал содержимое мешка, чтобы оно занимало меньше места. Малине мы тоже уделили должное внимание. Благо, она росла вперемешку с ойтом. Трава, видимо, была не светолюбива, и спокойно цвела в тени малиновых и ежевичных кустов. Чтобы лакомство не мешало рабочему процессу, я постановил срывать одной рукой побег оята, а другой – ягоду, отправляя ее в рот. Моя совесть согласилась с тем, что такая параллельность практически не уменьшит количество собранной травы. Ержи, кстати, делал то же самое, только вряд ли подводил под это столь сложную теоретическую базу. Двигаясь в поисках наиболее густых цветочных массивов, мы медленно описывали по лесу замысловатую дугу. Я было подумал, что эдак мы можем случайно заблудиться. Компасов у нас не было, а плотный кустарник выше человеческого роста, из которого, помимо деревьев, состоял лес, давно скрыл все звуки стойбища. Но не успел я всерьез этим озаботиться, как увидел сквозь ветки открытое пространство. Приглядевшись, я понял, что мы случайно вышли как раз к женскому дому. Словно по команде, мы оба остановились, чтобы как следует его рассмотреть. Это просто удивительно, насколько стимулирует любопытство гендерная сегрегация! Похоже, обитаемым у дома был только второй этаж. Первый представлял собой едва прикрытый тряпками каркас из жердей, почти лишенный внутренних перегородок; внутри виднелся какой-то скarb. А может, съестные припасы. Зато второй этаж, начинавшийся на высоте примерно 180 см, был аккуратно закутан занавесками, как и одноэтажный мужской дом. Пока я раздумывал, зачем понадобилось устраивать женское жилище на такой высоте от земли – наверное, туда неудобно забираться, да и непонятно, как отапливать второй этаж – одна из занавесок отодвинулась, и я увидел женское лицо. Издали оно показалось мне довольно симпатичным. Девушка была чем-то очень оживлена. Судя по веселому, хоть и негромкому, смеху из-за занавески, она была там не одна: с ней, по крайней мере, сидели еще две подружки. Девушка пылливо посмотрела по сторонам, даже заглянула вниз, под дощатое перекрытие. Она явно кого-то искала – кого-то, кто должен был быть совсем рядом, но вдруг куда-то исчез. Этот таинственный кто-то, оказывается, спрятался в кустах чуть в стороне от нас; улучив момент, он выскочил с веселым воплем, когда девушка менее всего это ждала. В одну секунду подбежав к постройке, парень (это был один из тяжеловозной команды, тащившей жерди) ухватился за бревно перекрытия,

подтянулся и встал на руках, оказавшись лицом почти вровень с девушкой. На втором этаже раздался счастливый визг, сразу удвоившийся и утроившийся силами компании подружек. Сначала девушка попыталась было закрыть занавеску, но парень, с удивительной сноровкой удерживая свое тело на упоре лишь одной руки, второй ухитрялся мешать ей это сделать. Видимо, правая рука у него была невероятно сильной, потому что левая, которой он схватился за занавеску, ничуть не оттягивала ее вниз; да и борьба, которую он вел с девушками за контроль над тряпкой, была шуточной. С его силами он мог бы без проблем сразу перекинуть тело внутрь комнатки и не мучиться. Однако старая как мир игра, которая тут велась, понятно, состояла в другом. В щели между холстинами показались все три смеющихся женских лица. Сначала они пытались справиться с занавеской, однако, убедившись, что левую руку парня им и втроем не перебороть, они сменили тактику: занавеска неожиданно была распахнута, отчего их оппонент не удержал баланса и покачнулся. В тот же миг три пары рук в браслетах из всех сил толкнули парня вниз. Непонятно, специально он сорвался или нет, однако он довольно эффектно отлетел и приземлился метрах в двух от линии жердей. Для меня, думаю, такое падение было бы весьма ощутимо, даже если бы удалось не переломать ног. Но солдат ловко спружинил коленями и через секунду уже снова был на ногах. Вся сцена сопровождалась веселым смехом с обеих сторон. Заметив, что парень встал, девушки проворно задвинули полог. Однако маленькая щелочка в нем все-таки оставалась, свидетельствуя, что внутри жаждут продолжать игру. Благо, что и оппонент попался крепкий и, главное, страстно желавший того же. Он тут же подпрыгнул и снова исполнил гимнастический выход на правой руке, пытаясь левой открыть щелку пошире. Возможно, изнутри занавеску сумели подвязать, потому что щель больше не расширялась. Но она оставалась, и парень приступил к следующему раунду. Опираясь теперь уже обеими руками о перекладину, он сунул лицо в щелку и начал, видимо, переговоры. Наверное, его лицо в отверстии вкупе с его репликами представляли собой комичное зрелище, потому что женский хохот внутри не смолкал. Да и парень не уступал в этом девушкам.

Похоже, внутри наконец решили, что их собеседник вдоволь настрадался, потому что сменили гнев на милость. Полог был отодвинут, парня вновь спихнули за землю (на сей раз более деликатно), и вся женская троица в бусах и косичках подвинулась к краю перекрытия. Оживленный, но уже более миролюбивый диалог продолжился. Главным объектом для парня явно была первая девушка; именно ради нее он демонстрировал тут силовые упражнения. Две другие служили ее добровольной свитой, помогая ей вести остроумную, судя по всплескам смеха, беседу с поклонником. По жанру это напоминало романтические стояния с гитарой под окнами красавицы где-нибудь в старой Испании. Разве что здесь нет гитары (интересно, кстати, используются ли в Сабинянии музыкальные инструменты? Мы пока ни одного не видели, да и раньше я не встречал упоминаний о них). Не хватало также пожилых дуэний, которые должны были ревниво оберегать честь своих юных подопечных. Женщин средних лет и тех было немного, а старых вообще ни одной. Свою честь девушки и парень, похоже, успешно оберегали сами. Впрочем, особенно скрыться тут в любом случае не получилось бы: «стены» были тряпичными, и соседние ячейки, судя по всему, были обитаемы. И происходило там ... то же самое! Слегка раздвинув ветви, я смог увидеть фасад женского дома во всю длину. У двух-трех ячеек разыгрывались если не те же самые, то очень похожие сцены. Несколько мужчин стояло внизу, ухватясь руками на перекрытие второго этажа (те, что помоложе, делали вид, что пытаются забраться внутрь), а женщины устаивали их беседой, кокетливо выглядывая из своих уютных скворешников.

- Ну вот, а мы переживали, что тут нет чувств, - прошептал Ержи, выглядывая у меня из-за спины. - По-моему, с чувствами тут все в порядке. Специальный дом для этого построен!

Я смущенно повернулся к нему.

- Что ты хочешь этим сказать? В каком смысле специальный дом?

Ержи хихикнул.

- Ну, не в этом смысле, конечно. Тут все вполне благообразно. Я просто хотел сказать, что в данном случае гендерная сегрегация направлена вовсе не на то, чтобы заточить женщину в тюрьму, а наоборот, чтобы помочь ей быть ближе к мужчине. Смогли бы они так непринужденно веселиться, если бы ночевали в общем доме? Нет, это было бы неприлично. А тут – созданы все условия для любви!

Правда, именно любви я пока не заметил. В лучшем случае было похоже на юный флирт. Беседы других пар, особенно постарше, и вовсе напомнили мне свидания в женской тюрьме. Разве что и сами «заключенные», и их поклонники были слишком интеллигентны для тюремной публики. Так или иначе, пока все сводилось только к общению под окнами, внутрь никто не покушался залезть, разве что в шутку (ну да, Испания, «Дом Бернарды Альбы» все прочее).

- Похоже на дом свиданий, только без интима, - высказал мою мысль Ержи.

Я тревожно приложил палец к губам.

- Тише, могут услышать!

- Мужской дом есть, женский дом есть. Общий дом с разделенными половинами – есть, - продолжил Ержи шепотом. – Но должны же быть и семейные дома! Как-то же они заводят детей. Пишут же, что у них есть браки.

- Может быть, это специальный дом для добрачного общения, - зашептал я. – Например, тут парень может назначить свидание понравившейся девушке... Или девушка – парню. Ведь у них мало возможностей, так сказать, «погулять» вместе.

- Интересно, а старшие за ними тут присматривают? Ну, чтоб без всяких там шалостей до свадьбы?

Я осторожно выглянул из-за листвы.

- Похоже, они сами за собой отлично присматривают... Да тут и в возрасте люди есть! – удивленно воскликнул я, узнав одного мужчину со вчерашнего стойбища.

Ержи выглянул тоже.

- Ну да, точно, он стартовал вместе с нами... Кажется, его зовут Си. Или как-то так. Теперь понятно, куда так спешил. Да и все остальные. У них явно любовь, смотри.

Мужчина ухватился за бревно руками, пытаясь повиснуть на локте. Роста он был небольшого, а сил, чтобы подтянуться и выйти на руках, уже, видимо, не доставало. Им с подругой было, наверное, сильно за тридцать. Чтобы ему было удобнее, она легла животом на перекрытие и наклонила голову. Они, не отрываясь, смотрели друг на друга. Мы не видели, чтобы они целовались; лица их были серьезные и почти грустные, как у подростков в момент первой любви. Женщина лишь раз коснулась рукой плеча своего друга. Потом легонько провела пальцами по его курчавым волосам и, наконец, погладила щеку.

- Ей-богу, смотрят так, словно навсегда расстаются, - прошептал мне в ухо Ержи.

Но как можно навек расстаться в такой маленькой стране? Тем более было странно, что другие влюбленные, наоборот, веселым смехом возвещали о намерении не иначе как прожить вместе всю жизнь. Слева от нас с упоением флиртовали; справа с дальнего конца дома тоже доносилось хихиканье. Но немало было и таких же «тихих» пар.

- Э, смотри-ка – а я был неправ! – Ержи подбородком показал в левый конец длинного дома.

Я повернулся и успел заметить, как один из мужчин (видимо, тоже не самый юный, потому что это далось ему не без труда) вскарабкался на перекрытие и забрался в одну из комнаток. Занавески за его спиной тут же плотно задернулись – видимо, с помощью женщины, которая находилась внутри. Я подумал было, что в пуританской общине такое поведение смотрелось бы как минимум странно. Но нет: никто из его коллег по любовному общению даже не повернул головы.

- Выходит, тут и такое разрешено! – шептал Ержи. - М-да, неожиданная свобода нравов для коммунистической утопии... При том, что в быту они ведут себя как бесполое пионеры из СССР.

Я тоже был немало удивлен. Когда Ержи упомянул пионеров, мне сразу вспомнился роман «Мы» Замятина. Там жизнь героев тоже была устроена гиперрациональным образом, но именно поэтому в нее логично вписывался свободный секс. При этом к любви он не имел никакого отношения: целью было обеспечить лишь физическое здоровье граждан. При таком механистичном подходе кажущаяся половая распушенность не имела никакого отношения к свободомыслию, и поэтому общественным устоям не угрожала. Жители замятинского мира занимались сексом так же бездумно и бесчувственно, как ели и испражнялись. Может, и здесь воспроизведено что-то подобное? Но нет, я же своими глазами вижу чувства в глазах вот хотя бы этой пары. Более того, это первый пример негативных эмоций (если считать грусть негативной эмоцией), наблюдаемый мною за время пребывания здесь... А не связано ли это с тем, что я впервые подсматриваю за сабинянами тайком от них?

Ержи словно прочитал мои мысли. Правда, тот факт, что сабиняне умеют грустить, интересовал его в меньшей степени, нежели сексуальная свобода.

- Обрати внимание – при нас они ведут себя, как монахи. А втайне от нас у них тут целый дом свиданий организован. Интересно, что еще они делают, пока туристы их не видят? Может, пьют, курят, режутся в компьютерные игры...

- Ага, и играют на бирже. Тише, а то нас услышат!

Мужчина по имени Си вдруг подхватил котомку – я только сейчас заметил, что она лежала у его ног – и, взглянув в последний раз на подругу, быстро зашагал прочь. Женщина долго провожала его взглядом. Лишь когда он совсем исчез за деревьями, она медленно задвинула занавеску и скрылась. Выходит, они все-таки расставались? Может, они очень сильно любят друг друга, а его перебрасывают на два месяца к морю. А ее саму бездушные жрецы деспотично желают оставить здесь, потому что она, например – лучшая доярка Сабинянии. И несчастные влюбленные, повинаясь чувству долга, которое гораздо сильнее, чем внешние преграды, покорно страдают. Право, без этого чувства ни один из великолепных сюжетов вроде Ромео и Джульетты или Тристана и Изольды не мог бы существовать. Зато как сильно самоограничение распаляет пожар любви! Самостоятельно запретив себе счастье, человек становится сильнее и благороднее, обретает энергию, которая конвертируется в любовь еще большую...

На середине этих романтических рассуждений я вдруг запнулся, увидев человека, бредущего вдоль фасада дома в нашу сторону. Еще издали, когда я не мог разглядеть ни лица, ни фигуры, что-то в его облике показалось мне странным. Секунду спустя я понял, в чем дело. Он был в нашей одежде – то есть в одежде из внешнего мира. Джинсы, футболка, рюкзак за спиной... Но ведь мы с Ержи здесь одни, остальные экскурсанты остались на другом стойбище... И в следующий миг я узнал его. Тошук! Он шел медленно и устало, глядя себе под ноги. Влюбленные и флиртующие пары не обращали на него никакого внимания. Да и сам он, казалось, не замечал ничего вокруг. Однако, проходя мимо нашего убежища, он вдруг резко повернулся и взглянул прямо на меня. Я был уверен, что он не видит нас за гущей листвы, однако замер на месте от жгучего стыда. Ержи тоже затаил дыхание. Но не прошло и пары секунд, как Тошук отвернулся и прошел мимо.

- Вот черт. Нас застукали. Теперь точно выгонят! – Ержи не на шутку встревожился. – Слушай, надо с ним поговорить. – И он рванул в чащу, не слушая моих бессвязных возражений. – Надо перехватить его, пока он не расскажет все своим. А то я уже сегодня дважды провинился. Второй раз вряд ли простят. И тебя заодно выгонят. Нет, надо обязательно поговорить!

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1562842>